

Artykuły teoretyczne i historyczne

Теоретические и исторические статьи

Вадим С. Мирошниченко

Харьковская Государственная Академия Культуры

Ломаная ритмика – эссе о современности?

Cięty rytm – esej o terażniejszości?

Кто не имеет хотя бы смутного ощущения исконной тайны бытия, превосходящей основоположную структуру нашего «разума», тот пусть бросит размышления над такими вещами.

С. Л. Франк

Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии

Все изменилось. Человека заставляют оглядываться назад, искать причины своего не вполне *удобного* состояния и связанные с этим настоящие и будущие ошибки. Невольно чувствуется вина за свою свободу, за собственный выбор. В некотором смысле, история действительно наталкивает на размышления о статусе личности, однако, приведут ли они к положительному результату и реальным изменениям в культуре, ответить весьма проблематично. Нас уверяют, что ответ существует в непрочитанных и прочитанных книгах, в услышанных фразах и подсмотренных картинках окружающих ландшафтов. Необходимо как можно сильнее напрячь мысль, мышцы, и поиск ответов уж точно увенчается успехом.

И мы как послушные и виновные сыновья и дочери следуем заветам прошлых культур и не замечаем, что одного исполнительства недостаточно. Постепенно целостность личности распадается на элементы. Одни ищут ответы в прошлом и пытаются продолжать и развивать традиции. Другие, созерцающая будущее, на свое минувшее не обращают никакого внимания. Есть еще третьи элементы –двигающиеся по инерции, зависшие во времени единицы. Им сложно до конца адаптироваться к новым условиям и ощутить

красоту жизни, ведь пройден сложный путь смены ценностных парадигм, привычные устои разрушаются, *вверх* и *низ* постоянно меняются местами. В одном человеке пульсирует невидимая, но остро ощутимая битва всех трех элементов. Разделение на элементы единого целого (парадоксально-абсурдного единого) прослеживается не только на примере личности. Через нее оно распространяется и на остальные феномены культуры, принимающие различные аксиологические и иные коннотации в зависимости от того, какая часть личности *включается* в данный момент. Речь идет о производстве восприятия и самом восприятии окружающей культуры. Водораздел, существовавший на протяжении всей истории культуры, актуализировался в последние столетия. Он проходит как по сердцу и душе конкретной личности, так и по целым культурам.

Целостные культуры разламываются на части и склеить осколки практически невозможно. Разрушение не всегда явно. С первого взгляда складывается впечатление, что все движется в своем обычном ритме, между тем, бывшего традиционного ритма во всей его красоте и легкости отыскать все сложнее и сложнее. Классические культурные ритмики принимают облик ломаных конструкций, не менее привлекательных и завораживающих нежели традиционные. И порой очень сложно определить, что это завершение старого и начало чего-то радикально нового?

Наиболее точно и четко сложившееся положение культуры передается понятием *ситуативность* или *сингулярность*, в смысле разобщенности некогда единого тела традиции, его распад на отдельные составляющие не связанные более одной нитью с основой. Человеку не требуется обращение к пра-феноменам, которое раннее вовсе не воспринималось именно как *обращение*, а понималось и принималось как само собой разумеющееся на бессознательном уровне. В новых условиях все происходит на том же уровне, вот только основным выступает не пра-феномен, а ситуация. Шаг за шагом феномены культуры начинают обретать *удобные, комфортные* черты. Выстраиваются общество комфорта, личность комфорта, культура комфорта и практически тотальной неограниченности. И лишь разрозненные оазисы традиции по-прежнему несут в себе непостижимую тайну бытия, не передающуюся простыми словами, не транслируемую СМИ, а внутренне переживаемую в каждой его частице. И такие оазисы нарекаются *примитивными* и *отсталыми*, их необходимо как можно скорее окультурить, встроить в четкую схему комфорта. *Примитивные* и *отсталые* – это те немногие *интеллектуалы, идейные* люди, интеллигенты, несущие собой не раздвоенность, а единство мысли, чувства и соответственно, единство всех элементов личности. Для них прошлое и будущее представляют собой их внутренний мир. Со-причастность Платону и И. Канту, Средним векам и Возрождению реальна, она не изложена на страницах какой-либо книги, а дает возможность творить, двигаться, развиваться и жить. Между мной

и Цицероном нет пропасти в более чем две тысячи лет, мы с ним современники и у нас общее поле общения. Я не *помню* о нем, я *знаю* его.

Ситуативность бытия, так или иначе, приводит к неутешительному, но как показывает современность вполне *нормальному* выводу о том, что человек полностью поглощен как минимум двумя взаимосвязанными лозунгами: а) только свобода и б) только уединенность. Первый выражается не столько в свободе мыслить, что в принципе не так уж и важно, сколько в свободе действовать согласно ситуации и желанию. Второй подразумевает идею невмешательства в эту свободу. Постепенно открывается действительность, в ней все рвется на свободу, ведь именно такая абсолютная свобода приносит удовлетворение. Быстрее утолить перманентный голод воли дозой свободы, гарантированное получение которой обеспечивает медиапространство (СМИ, Интернет, ТВ и т.д.). Всегда *online*, включенный в сеть – вот девиз культуры постчеловека.

Рваная, ломаная ритмика – не изобретение культуры XXI ст. О волнообразных периодах и постоянной смене ритмов упоминали Д. Вико и О. Шпенглер, С. Франк, П. Сорокин и многие другие. Но критической точки она достигает именно в период *заката*. Ломаная ритмика не столько производное от утвердительного поэтического начала греческого *ῥυθμός* (размеренность, такт, стройность, соразмерность), сколько без конца сбивающиеся, отступающиеся темпы. В таком пространстве мысль пребывает в разных формах. Для извлечения из нее смысла и звука нужны настроенные инструменты. Они утрачены. В мире томительного однообразия смысл и звук улавливаются одиноким солистом, забывшим о гармонии чудачком, изредка наигрывающего оглохшие мелодии.

Воочию. Слезы

Для того, чтобы попасть в мир медиаonline воспользуемся услугами проводника, роль которого удастся играть объективу, ведь объектив подчеркнута выдает не меня. Когда я наблюдаю за миром сквозь объектив, то меня, в первую очередь интересует детализация. Все подлежит немедленному разложению на микрочастицы. Проникнуть к основаниям бытия, увидеть его истоки – это все приобретает черты *безотлагательности*. Только быстрота и маневрирование. Нельзя долго ждать. Нельзя проводить мучительные и сложные эксперименты. Мне нельзя. Пусть этим занимается кто-то другой. Взор пытается обрисовать контуры, приблизить интересующее, рассмотреть его и поместить в архив, для того чтобы со временем стереть из памяти. Увидеть и стереть. Затем снова и снова высматривать из-за угла развитие предметов, живых организмов и выбрасывать все в *корзину*. Запоминать что-то не имеет смысла, поскольку уже не представляет собой никакого

интереса. Мысль тут же привлекают новые горизонты. Объектив – медиатор. В антропологической перспективе мой взор через объектив видит Другого, следит за ним. При этом Другой не касается непосредственно моих глаз, моего взгляда и может не подозревать о моем существовании. Впрочем, как и я не вижу прямого выражения глаз Другого и не уверен в его реальности. Объектив – некий третий. У объектива две перспективы – дальняя и ближняя. Он может приближать и отдалять Другого, тем самым, искривляя мое восприятие, мое отношение к нему. От объектива и его необходимости невозможно избавиться навсегда. Искусственный барьер между мной и Другим, постепенно становится естественным, *вросшим* в меня.

Объектив вынуждает меня и Другого к игре с собой, когда мы изменяем круг его обзора, приближаясь и отдаляясь попеременно. Рождается расстояние. Но мы, в который раз, не соприкасаемся взглядами. Любовь проблематизируется, тематизируется, становится приложением объектива. Нет четкой фиксации, лишь расслоение, изменение, движение линии. Но любовь не терпит и жесткой фиксации. Сквозь объектив любовь отслеживается в движении и покое. Как продолжение моего глаза объектив есть некая более совершенная его модель. Приближение – только иллюзия. Объектив не приближает реально и очевидно, он способен на это потенциально. Я не могу ощутить дыхание Другого через приближение его формы. Объектив работает с формой, но не затрагивает содержание. Он выражает форму любви.

Существует ли Другой на самом деле, или же только в третьем? В ситуативности Другой является дальним. Объектив перемещает на более близкое расстояние и создает новую ткань из дальнего, делая его ближним, симулируя *близость*. Я сомневаюсь. Непрестанные колебания один из резонансов объектива. Глаз третьего соединяет, объединяет дальнего и ближнего. Все зависит от установки третьего. Приближение и отдаление, пространственная игра смыслов. Но она не бессмысленна. Кем задается искомый смысл: мной, третьим или Другим? Потеря одного звена из цепочки я-третий-другой что-либо изменит? Может ли третий существовать без меня и/или третьего. Аналогично и для меня и третьего.

Позиция 1. Смысл зависит от меня, так как я владею третьим. Третий мой предмет. Другой объект наблюдения, дальний которого я могу приблизить, а могу оставить в сладком плену покоя. Я свободен в выборе направления для третьего.

Позиция 2. Смысл задается третьим. Он функционален, деятелен. Но он не свободен. От него можно сбежать, скрыться или отказаться (что выглядит как утопия).

Позиция 3. Смысл задается Другим. Он может уйти, покинуть горизонты третьего. Другой свободен в своем передвижении. Другой может стать невидимым для третьего и меня.

Все три позиции связаны, смысл выявим в каждой из них. Между тем, третий, обладая важными функциями (власть расстояния), не свободен, он ведом, потому относительно не самостоятелен, но он есть. Я и Другой можем существовать-быть напрямую, без посредничества третьего. Утрата одного звена я-третий-другой, деформирует общую цепь, ухудшает игру каждого. Объектив создает барьеры, преграды мешающие видению *воочию*. Видение воочию рождает *слезы*, а они личность и культуру. Слезы как будто сами наталкивают на размышление, являясь им. Они появляются в самые знаковые минуты жизни и придают им неповторимость. Тайна слез, их простота и искренность, никогда не будут раскрыты.

Покуда человек творит слезы, он остается личностью. Когда слезы *льются ручьем* – душа обнажается. Стоит понаблюдать за плачущим незнакомцем, как в нем проявляется его истинное лицо. Момент длится недолго, но если удалось уловить мгновение между тем и этим, то внутренний диалог будет настроен навечно. Плач – всегда переход в неизведанное, своеобразная интроспекция и одновременно всматривание в Другого. Плач – это прозрение.

Каждая эпоха плачет по-своему, у каждой свои неповторимые слезы. Современность плачет в социальных сетях, но там нет места слезам. Зачем слезы в *комфортной* культуре, когда намного удобнее воспользоваться объективом. Слеза не просочится сквозь искусственное, и само искусственное не способно вызвать слезу и оголить естественные чувства.

Оправдание злого

Ломаная ритмика ситуативности *вдумывается* в свое дно и подталкивает («падающего») обратиться к перспективе злого. Именно «*злого*», ведь в эпоху медиа стойкие феномены культуры и целые культуры, вместе с религиозными представлениями выхолащиваются в собственное подобие, принимают карикатурные, гипертрофированные формы. Точно так же как «ты» в представлении «медиа-я» переходит в «оно», а само «я» теряется во всевозможных лабиринтах, зло выхолащивается в *злое*. Классическое зло, даже будучи не субстанциональным, внушает первичный страх/ужас, злое же просто страшное. Естественно, что злое не образовалось одновременно с появлением медиа, речь идет о его активизации. С добром складываются похожие отношения. Само по себе добро, в любой культуре и религиозной традиции, четко очерчено и его образ понятен. В ситуативной культуре отчетливых границ не существует, так как все подчиняется принципу комфортности, следовательно, добро перерастает в *доброе*, а его источником является не традиционный Бог, но бог ситуативный.

Перспективы злого, в истории мировой культуры, не один раз подымались на высокий интеллектуальный уровень. Достаточно обратить внимание на Средние века, Возрождение, Новое время где злему отводилось различное, подчас прямо противоположное значение и истолкование. Мало-помалу разграничительная линия точно указующая на доброе и злое, если и не стирается окончательно, то ее видимость близка к нулю. Химеры готики уходят, их место занимают хаос барокко и мобильность медиа.

Особенность Д. Мильтона, М. Лермонтова, Ш. Бодлера, и других авторов, состояла в попытке некоего пересмотра противоположности добру. У постчеловека возникает острое желание сочувствовать *отрицательным* персонажам. Переход на сторону злого – поступок достойный подражания и всевозможных похвал. Беспрекословное доверие автору подрывает бдительность так, что весь *контекст* его творения становится малозначительным. Фигура главного героя, вот то на чем фокусируется основная мысль. Злое выполняет свою привычную функцию – прельщение. В нем нет ограничивающих рамок и условностей, но лишь вечная, яркая, жуткая свобода.

Плоский человек в виртуальном пространстве нуждается не в эстетизированном, оправданном зле со всеми его искушениями, но в злом с доступными, простыми и понятными принципами. Это самое настоящее амнистированное злое, не малым количеством интеллектуалов гениев, а каждым.

Злое, получившее оправдание и сожаление миллионов уже не телевизионная картинка или эпизод из литературного произведения, а действительность за окном эпохи *пост*. Перевернутой эпохи, или эпохи, которая все время вращается без остановки и не может хоть немного постоять на одном месте и вдохнуть свежего воздуха. Что за этим стоит? Для чего все это нужно и кому? Представляется, что ситуация проста при всей своей неоднозначности. Подобное положение вещей было ожидаемо и прогнозируемо. Развитие телекоммуникаций и технической культуры, должно было привести к тому, что одна традиция в один прекрасный (или ужасный) момент сменит другую. Так и случилось. Но есть одна особенность, произошла эта смена как-то тихо и спокойно. Она воспринимается как нечто привычное. Злое или доброе... не имеет значение, важно другое, полезно и приятно ли это человеку.

Когда все предельно ясно и прямо звучит, возникает большое желание все усложнить. Традиционные культуры – культуры полюсов. В постсовременном *медиамире* клубок стал сильно запутанным. Так что же возврат к традиции и упорядоченности? Но традиция не интересна и чересчур сложна. Необходимо что-то *попроще*. Ответ отыскивают медиа. Больше нет доброго и злого – закоряченных устаревших понятий. То, что приносит удовольствие, что *цепляет*, возносит к вершинам познания – доброе, что противоположно – злое. Но и его мы любим. Поскольку завтра именно оно станет

приносить удовольствие, *цеплять* и возносить к вершинам познания. Далее всемирное прощение злого. Смерть уже не так внушает страх. У постчеловека несколько жизней и столько же попыток умереть и воскреснуть, уйти в спящий режим и перезагрузиться.

***

Чтобы понять весь пафос прощения злого, исполним роль постчеловека, станем на его место и подберем его растерянные мысли, принявшие облик «размышлений» и настоящего панегирика: строгого, напыщенного, возвышенного. Вопрос об источниках, причинах и обстоятельствах зла получил широкое освещение в мифах, религии, философии и в художественной культуре. В религиозных традициях первопричина зла (не «злого») часто персонифицируется. Персонификатором зла, например, в христианстве выступает образ разделителя (от др.-греч. Διάβολος), получивший различные наименования. В то же время христианство указывает на ответственность человека за существующее зло в мире. В указании на ответственность человека за зло содержится факт критической самооценки *человека оценивающего*. Значительное усиление понерологической самокритики способно перенести главный акцент в восприятии трагической фигуры от человека к персонифицируемому религией первоисточнику зла. В христианской религии фигура дьявола-Люцифера однозначно рассматривается не только предельным воплощением зла, но и его источником. Если выйти за границы христианского мировоззрения, то обнаруживается неоднозначность взглядов на *Разделителя* и оценок данного образа.

Среди множества историй, связанных с фигурой Падшего ангела, внимание заслуживают художественные образы Б. Стокера. Согласно его концепции: существо, рожденное от Утра, образовалось из прозрачного, чистого света. Вся теплота поднялась от миллиона сфер и окрасила его лик, и весь блеск огненных планет пылал в его глазах. Величественный Архангел стоял по правую руку от Бога. Падший ангел заметил в дали зарождавшихся материй, новый мир и на нем существо слабое, но могущественное, высшее, но легкомысленное. Этому существу предназначалось пройти все фазы жизни, пока приняв душу Творца, оно не коснется сознательного бессмертия. Падший ангел полный гнева, повернулся к Богу и запротестовал. Он не хотел, чтобы Бог из ничтожного создания сделал ангела подобно ему. И он осудил Бога. Если Бог сделает человека близким к ангелу, то Падший ангел уничтожит человека, чем станет делить с ним мудрость и любовь Отца. За эти пререкания Бог приговорил Рожденного от Утра и его ангелов к *земной тюрьме*. Отныне Падший ангел не вернется на Небо, пока человек сам не выкупит его. Каждая человеческая душа, уступившая его искушению, будет

новой преградой между ним и небесами. Каждая душа отвергшая, поднимет ближе. Когда свет оттолкнет Падшего ангела, Бог примет его обратно.

Зло выглядит трагическим персонажем, таким *Рыцарем Печального образа*. Он обречен совершать зло, однако желает ли он его... Если бы человек оказался на самом деле личностью, неужели Падший ангел исполнял бы то, что ему надлежит исполнять? Он связан клятвой, данной Богу: «не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои» (Мф. 5 : 33), в отличие от человека, который клятв не исполняет.

Далее оправдательная мысль движется в направлении Христа и его искушений в пустыне. В Евангелии сказано: «Тогда Иисус возведен был в пустыню, для искушения от диавола» (Мф. 4 : 1). Следовательно не «диавол» пришел к Христу, а наоборот, Христа привели на искушение. Акту искушения предшествовала инициация крещения (Мф. 3 : 13–17), в этом контексте, искушение также стоит рассматривать как инициацию, как испытание свободой, чудом и властью. Пройдя посвящение, Христос стал воплощением блага. Зло выступает в облике союзника, ибо оно достаточно мудро, чтобы реально подвергать искушению Бога.

В вину Падшему ангелу ставят блуд, корыстолюбие и т.д. Однако Евангелие отвечает на такие обвинения довольно точно: «что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?» (Мф. 7 : 3). Причину греха необходимо искать в человеке. Многие полагают, что Падшего ангела удовлетворяет причинять в мире зло. Радоваться делая зло – временная мания, которая интересует только человека. Безусловно он искушает, но он не преследует. Люди следуют за ним больше по своему выбору и свободой воле, нежели по его убеждению. Поэтому, если выбирают Падшего ангела, то не приходится удивляться тому, что он управляет там, где его просят управлять, ибо падший ищет одинаково падших. Рожденный от Утра становится союзником для тех, кто находит убежище в его обшестве.

Для верующих христиан мысль о трагическом образе Падшего ангела как *Рыцаре Печального образа*, борце за справедливость, выглядит кошунственным оправданием зла. Однако трагический образ стоит воспринимать лишь как метафору, не только указывающую на ответственность человека за зло, но осуждающую и обвиняющую за это человечество. Гораздо легче перенести вину за зло на какие-то внешние факторы. Но гораздо сложнее осознать причину в себе самом.

Откуда в современном человеке такое стремление к покорности и преклонению перед *злым*, сомнения относительно его миссии, пусть и метафорической? Поиски путей совершенствования приводят к его источнику. Когда источник исчезает, избегает диалога, или его просят удалиться на какое-то время, то место спасительной силы становится вакантным и его спешит занять нечто до этого находящееся в тени. Злое занимает террито-

рию доброго, так как доброе не выполняет поставленные перед ним задачи всеобщего благоденствия, натомість требуя соблюдения различных правил, смысл которых ясен далеко не всем. У злого нет строгих догматов, оно дарует манящую свободу, а взамен хочет получить то, что никого уже не волнует – душу. Индустрия развлечения работает над созданием и воплощением (в литературе, кинематографе и т.д.) привлекательного злого. Индустрия оправдывает его. На поверхности – коммерция, в глубине – пересмотр устоявшейся картины мира, способами и методами взывающими к доброду принять всю друговость злого. Благородно? Отнюдь.

Идея ситуативного медиабога

Злое стало возможным не из-за сложности доброго, а как следствие того, что последнее трансформируют (равно как и личность с культурой) в *ситуативный, комфортный* проект. Истинное добро, как это ни парадоксально, загоняется в гетто. Глубоко осознанная кратковременность человеческого существования толкает его на поиски новых путей совершенствования себя и мира. Культурные эпохи сменяют одна другую, до тех пор, пока фактор *дозволенности* становится абсолютным. Сознание находится в *circulus vitiosus* невесомости и неопределенности. Оно дрейфует от своей слабости к необычайной силе. Принимая во внимание шаткость сознания, бессознательно человек выводит из себя бога, бога своих личных иллюзий. Так на белый свет спускается *ситуативный бог*, а религия перевоплощается в *религиозность*.

Традиционные религии позволяют проследить тенденции, указывающие на формирование «ситуативного бога». Так, согласно православной традиции, человек, будучи в состоянии гармонии с окружающими его и Богом, имея постоянный контакт с Богом, совершил акт выбора и нарушил установленное предписание, совершив греховный поступок: искажение гармонии как в себе самом, так и в отношении с Богом. Приходят страдание, страх, одиночество и перманентная борьба с ними. В таком случае общение «Бог – человек» прерывается, человек опускается до отметки *раб*. Опыт общения с Богом ограничивается отдельными представителями одного этноса, заключающими Завет.

Событие Христа дает возможность преодолеть общий грех. Следуя вперед через любовь и аскезу – *раб* станет *другом*. Традиция устами Иринея Лионского гласит: «Бог соделался человеком, дабы человек смог стать Богом». Идея обожения, идея богочеловечества подменяется мыслью о человекобоге. Традиция – ядро, патетика культуры, сохраняющая человека в рамках определенной морали, препятствовавшей высвобождению «ситуативного бога», приходит в упадок. Если взять во внимание детальный

анализ культур, то выяснится что *ситуативный бог* следовал за человеком всегда, так как это бог личного человеческого «я». В обществе, где роль традиции велика, *бог-я* проявляется в меньшей степени, тогда как в посттрадиционном обществе – в большей. *Бог-я* действует параллельно с объективным Богом-гетто.

Ситуативный бог удобен для человека медиа-культуры, ведь каждый конструирует его по своему усмотрению. Более нет необходимости служить и подражать. Обязательное и трепетное посещение храма становится данью традиции, евхаристия – экзотикой, вовсе незачем знать каноны и их исполнять, достаточно поставить свечку. На вызов – человек, следует ответ – *ситуативный бог. Медиачеловек, средний человек, такой как все*, творит не только комфортную культуру и ценности, но и такого же *покладистого* бога. А потом, внезапно, человек понимает, что ему необходимо обратиться к изгнанному в гетто Богу. С молитвой. Но нет. Человеческая *ситуативность* обращается не к Богу, а к шутке, воспринятой серьезно. Это не Бог, Авраама, Исаака и Иакова. Их Бог не достижим и непостижим человеку, чья свобода переполнена адреналином. Его бог – бог *online*. В сети. Исповедь, прощение грехов, свеча, крещение – все *online*. И бог – *online*. *Online* – реальность не только и не столько виртуальная. Она реальнее чем сама реальность. Ситуативный бог *online*. Зачем мучить себя *проклятыми вопросами*, надоедать постоянными отсылками к совести, к мо-рали, к культуре. Один клик и ты прощен персональным богом.

***

Как бы вы поступили, если бы вам предложили стать первосвященником? Соблазн – великое чувство. Он сладок. Соблазн – это ваш путь к богу. Первосвященник. Перед ним открываются все двери. У него огромный дворец из золота и пыли. У него одежды – пропитаны человеческими мольбами. Но только отказ от соблазнов, служение Богу и человеку – являются истинным призванием первосвященника.

И вот вы первый среди равных, и вы становитесь равным среди первых или самым последним. Я – никто. Вот он смысл пастырской жизни. Как я, священник, могу жить в палатах, а из-за высоких стен немощные просят подати? Я должен служить. Не *online*, не пустыми словами. Моя задача омыть ноги прохожему и омывать их покуда его душа и тело не расцветут и не наступить долгожданная весна. Повторяю, я – никто. У меня нет прав на себя. Я молюсь. Я беден. Мой принцип – мораль бедности. Все раздать и следовать пути Христа. Мой статус не означает – вседозволенность. Без передышки и высоких «экранных» поучений. Я должен творить добро.

«Ситуативность» кроется в *стабильности* многих современных культур. Жажда культурных *срывов*. Пусть это звучит несколько жестко, но для того чтобы развиваться, необходимы стимулы и таким стимулом долгое время была война. Войны несли и несут разрушение, смерть, но в войнах рождались великие личности – Александр, Цезарь, Наполеон. Война – сложный культурологический феномен, являющийся амбивалентным по своей сути (сложно представить культуру германцев без культа Одина). Поэтому стабильность и застой всегда нужно разбавлять шоком, пусть не таким глобальным, как война, но это должно быть нечто по настоящему волнующее.

Измерение: интеллигенция

Итак, носителями внутренней целостности является интеллигенция. Посвятим несколько строк ее анализу в сложившихся условиях существования. И сразу о сути. Интеллигенцию нельзя втиснуть в какие-либо рамки, ее нельзя ограничить или вообще запретить, ей сложно или вообще невозможно приписать полную и исчерпывающую идентичность, национальность и дефиницию. Интеллигенция подлежит познанию и одновременно она непостижима. Интеллигенция *синергийна*, она нечто присутствующее в самой сущности человека. Человек реально или потенциально является интеллигентным.

Современная культура побуждает культурологов и философов к поискам новых путей восстановления того состояния, при котором интеллигенция чувствовала себя настоящей силой, носителем новых идей и была способна повести за собой. Одним из путей выхода интеллигенции на новый уровень, может стать ее *синергитизация*. Мысль будет разворачиваться в двух дискурсах: гносеологическом и онтологическом, или, если точнее, в едином онто-гносеологическом поле. Кроме того, стоит отметить, что к культурфилософскому дискурсу следует приобщить богословский, дабы анализ проблемы интеллигенции стал более полным.

Шаг 1. Определение и осмысление понятия *интеллигенция*, на которое постоянно навешиваются бессмысленные ярлыки.

Обратимся к этимологии искомого понятия. Само понятие происходит от латинского *intelligens*, что означает *понимающий, мыслящий*, указывает на человека, как на существо *cogito*, при этом подчеркивает, что он призван не только мыслить, но и понимать, слышать и чувствовать Другого. Через понимание Другого, тот, кто пытается понимать, постепенно все больше постигает себя как личность.

Можно долго спорить о том, когда именно человек начинает мыслить, и следовательно, становится *intelligens*, и когда (где) *cogito* заканчивается,

и вообще может ли человек находиться в чистом преображенном «не мышлении» (как утверждает традиция исихазма). В данных обстоятельствах важно указать на то, что способность мыслить и не мыслить является проявлением *intelligens* в разных модусах поразному. Человек является *intelligens par excellence!*

Владеть и использовать познание, а значит быть способной к *intelligens*, может личность. Для начала человек должен достичь высот личности (глубокое погружение в себя, максимальное напряжение всех точек, «пограничные» взрывы), затем благодаря этому мочь мыслить, причем не просто мыслить, а мыслить критически, опираясь на определенный культурный опыт. Мало отличать черное от белого на повседневном, обывательском уровне, это не приведет к положительным результатам и ситуативность не будет отделена от истины, нужно уметь проникать в самый центр смысла, находить не содержание, а *первосмысл*, или хотя бы к нему приближаться. Личность – обладатель ключа к коду прочтения первосмысла сущего.

Шаг 2. Манифестирование интеллигенции как определенного измерения реальности, концепта *совместного, согласованного действия (синергии)*.

Для более ясного объяснения рассмотрим три типа *intelligens*: онтология (объективность) *intelligens*, экзистенция (субъективность) *intelligens*, синергия (металогичность) *intelligens*.

Онтология (объективность) intelligens. *Intelligens* рассматривается как исторический феномен имеющий свое начало и завершение во времени и пространстве. Он бытийствует в «объективной действительности», ему возможно (обязательно) дать полную дефиницию. Главной функцией *intelligens* есть познание-поиск истины (смысла и цели), ограниченной временем, пространством, и трансляция этих поисков другим. *Intelligens* обладает бытием как частью абсолютного бытия. Сущностью *intelligens* выступает общее онтологическое свойство. Личность замаскирована внешними факторами, присущими «объективной действительности» (в первую очередь *ratio* и его эманациям). Таким образом, *intelligens* обусловлена различными причинами и в этом ее недостатки и преимущества.

Экзистенция (субъективность) intelligens. Общее бытие или снимается, или отправляется на периферию. На первый план выступает экзистенция, как опыт внутреннего переживания человеком себя и понимание своей «завершенности» в мире феноменальном. *Intelligens* мыслится как уникальная и неповторимая личность, «просвещаемая» каждую минуту своего существования. Корни экзистенции (ее сущность) заключаются в трансцендентном или имманентном, и скрыты от взглядов посторонних, чтобы прозреть их нужен толчок в виде нестандартной/неуправляемой ситуации (страх, смерть, любовь и т.д.). Познание истины (смысла и цели) субъективизируется, отменяется или становится завуалированным. Категории времени и пространства проходят сквозь экзистенцию и ощущаются в своей причаст-

ности к *intelligens*. *Intelligens* находится на разломе между «мыслящим», «понимающим» и «переживающим». Субъективность *intelligens* понимается как отдельное объяснение конкретного бытия, она постепенно приближается к кинонии с «онтологией *intelligens*».

«Онтология *intelligens*» и «экзистенция *intelligens*» схожи между собой в определенной абсолютизации противоположностей. Первая направлена к возвеличиванию общего, а вторая обращена к частному. Возникает потребность в совпадении/объединении противоположностей (*coin-cidentia oppositorum*). Следует отметить, что оба типа имеют тенденцию к выходу из «замкнутости», на что указывают многочисленные философские течения онтологического и экзистенциального направления.

Совпадение противоположностей репрезентируется в идее синергии (*металогичности*) *intelligens*. Именно третий тип призван отстранить устоявшуюся традицию дефиниций *intelligens*. Синергия манифестирует бытие и со-существование предыдущих типов.

В кинонии и синергии возможна действенная личность. Не просто *intelligens*, но ее трансценденции к определенной *postintelligens*. *Postintelligens* – синергия двух типов *intelligens* в металогическом единстве. *Postintelligens* выходит из самой сути человека плюрального и ответственного за свою плюральность. Синергитизация *intelligens* – наделение человека полнотой бытия и экзистенции, а синергитизированная *intelligens* (*postintelligens*) – эталонная, вполне достижимая цель учитывающая опыт прошлого. Категории онтологии (бытие, сущность, существование, время и пространство) присутствуют и одновременно отсутствуют в человеке *postintelligens*. В *postintelligens* все противоречия «примиряются». Человек может не только быть или существовать (и наоборот), мыслить или не мыслить, ему доступно и то и другое, поскольку *postintelligens* – определенное измерение реальности, а не сугубо «технический» ретранслятор чьих-то мыслей. Интеллигенция как таковая не имеет границ, каждый человек может открыть в себе затаенную *intelligens* и потенциал *postintelligens*, и тем самым попытаться познать себя и вывести из комфортного, слишком комфортного состояния. Однообразие, односторонность не приближают, а наоборот отдалают от истины, сужают кругозор и, наконец, человек деградирует к обычной, сугубо функциональной части общества. Он становится слабым, подавленным, инертным и легко склоняется к чужим не всегда положительным идеям. Самостоятельность должна стать нормой, для ее достижения надо постоянно совершенствоваться, чтобы *postintelligens* превратилась из мечты в реальность. *Postintelligens* находится не вне ситуативности, но будучи внутри нее она вскрывает все ее пороки и *малым тиражом* пытается указать на них. Поиск духовности – бесконечный поиск благостного состояния в культуре, которая в большей мере благо только имитирует. Островки традиционного укрытия человека постепенно сужаются. Среди таких укрытий

выделяются творчество, семья, система образования, Церковь – заинтересованные в просвещении они дают нечто большее, но человек не всегда оказывается готовым к принятию предлагаемых благ и его интеллект, получив начальные установки, далее утрачивает стимулы к развитию.

Культура всеохватывающей сингулярности продолжает выдавать авансы, сокращая ареал обитания традиционной культуры. Ее инженеры и системные администраторы прокладывают новые беспроводные сети комфорта к духовным сокровищам человечества. Выводов нет, эпоха не окончена. Продолжаем жить в зеркальных ломаных ритмах.

[знаков 33 847]

Autor podejmuje problemy związane z określeniem współczesnej kultury, w szczególności kwestie wynikające z jej sytuacji wyznaczonej miejscem i czasem oraz zachodzące w kulturach procesy dezintegracji. Ważną rolę w tych procesach odgrywają nowoczesne techniki komunikacji. Sytuują one bowiem każdorazowo podmiot kulturowy w strukturze oddziaływań globalnej sieci komunikacyjnej (online). Jednym z najważniejszych czynników kultury jest wyjaśnienie „zła”, a zwłaszcza jego relatywność wyznaczana sytuacją kulturową. Sytuacyjność zła prowadzi do kształtowania się tzw. sytuacyjnego Boga. Autor wprowadza pojęcie intelektualistów, którzy bazując na doświadczeniu zmysłowym oraz odwołując się do przeżyć, byłiby w stanie wykroczyć poza sytuacyjność kultury i tym samym wyzwolić ją z relatywistycznych ograniczeń.

The author treats the problems related to the establishment of modern culture, in particular the issues arising from its status determined by time and place and the processes of disintegration occurring in the cultures. Modern communication techniques play an important role in these processes, since they situate each cultural entity in the structure of global communications network interactions (online). One of the most important factors of culture is to explain the "bad", and especially its relativity determined by cultural situation. Situational evil leads to the formation of the so-called. situational God. The author introduces the concept of intellectuals who, based on sensory experience and recalling the experience would be able to go beyond situational culture and thus to liberate it from the relativistic limits.